

С. В. Любичанковский**«...Партия выходит из меня»: размышления рядового коммуниста
(на материалах дневника Л. Н. Большакова конца 1980-х — начала 1990-х годов)**

В статье систематизированы и проанализированы дневниковые записи почетного гражданина города Оренбурга, ученого и общественного деятеля, члена КПСС с 1944 года Л. Н. Большакова, касающиеся его отношения к коммунистической партии на рубеже 1980—1990-х гг. Показана эволюция взглядов Большакова на этот вопрос, заключающаяся, во-первых, в разделении понятий «коммунизм» и «компартия», во-вторых, в усилении критичности мышления по отношению к партийным руководителям, в-третьих, в формировании негативного отношения к партийной работе вообще, в разочаровании в партийных механизмах работы. Все три линии эволюции, на наш взгляд, типичны для простого советского интеллигентного человека, что стало одним из важных факторов бессилия гражданского общества в нарождающейся в 1990-е гг. «новой России».

Ключевые слова: дневники, Леонид Наумович Большаков, повседневная жизнь, интеллигенция, исторический источник, коммунизм, коммунистическая партия, номенклатура, партийная работа.

Целью настоящей статьи является анализ изменения отношения к коммунистической партии у ее рядового члена на рубеже 1980—1990-х гг. В основу анализа положен личный дневник Леонида Наумовича Большакова, писателя, ученого, почетного гражданина города Оренбурга [4; 5], в котором он каждый день на протяжении двадцати лет (1984—2004) фиксировал свои эмоции и размышления по актуальным вопросам. Этот уникальный источник [16], хранящийся ныне в семейном архиве его дочери, Татьяны Леонидовны Большаковой, представляет особый интерес для историков повседневности тем, что в конце XX века с дневниками произошла та же метаморфоза, что и с бумажными «длинными» письмами — в силу разнообразных причин их просто перестали писать. Трагедия ситуации заключается в том, что в этот же период в мировой исторической науке явно наметился поворот от истории государств и больших социальных групп к истории отдельного Человека, к истории повседневной жизни [14], то есть к тем направлениям, для которых исторические источники личного происхождения (дневники, эпистолярное наследие, мемуары) являются особенно ценными [8].

Вести дневник Л. Н. Большаков начал, когда ему исполнилось шестьдесят, в 1984 году. Это был, можно сказать, исследовательский эксперимент: приступая к работе по комментированию Дневника Т. Г. Шевченко, ученый хотел понять, каково это — вести дневник, насколько искренен был автор записей, до конца ли он откровенен, думает ли о возможном читателе. Но комментарий был закончен в том же 1984-м, а свой дневник Л. Н. Большаков вел до конца жизни, и сегодня двадцать ежегодников рассказывают не только о работе над книгами, общественной деятельности, встречах и переписке с интересными людьми, но воссоздают многие события как оренбургской, так и общесоюзной, а затем российской истории, содержат раздумья автора дневника о происходящем в стране и мире (подробнее о дневнике см.: [3; 11]). Фактически мы имеем дело с уникальным источником, позволяющим (на примере Л. Н. Большакова) оценивать эмоциональные ощущения людей от собственной повседневности, понимать особенности их рефлексии. Это чрезвычайно важно для проведения конкретно-исторических исследований по истории повседневности [14, с. 11—13].

Две наших предыдущих статьи посвящены отражению в дневниках Л. Н. Большакова атмосферы последних советских лет, августовских событий 1991 г., краха СССР [12], а

© Любичанковский С. В., 2019

также «лихих девяностых» [10]. Настоящая статья продолжает эту серию, подвергая анализу изменения в восприятии Большаковым коммунистической партии. У проблематики изменения статуса компартии в российском обществе на рубеже 1980—1990-х гг. уже существует определенная историография [1; 2; 6; 7; 9; 13; 15; 17], однако ей не хватает среза личной рефлексии со стороны рядовых коммунистов, не игравших активной роли в политических процессах того времени. Мы ставим задачу показать эволюцию взглядов автора дневника на деятельность КПСС, изменение его отношения к партийным органам; рассказать о выводах, к которым он пришел после того, как партия перестала существовать. Думается, мысли и чувства, сформулированные автором дневника, разделяли многие представители советской интеллигенции, на глазах которых рушились, казалось бы, незыблемые устои.

Леонид Наумович был абсолютно советским человеком. В этом отношении интересна запись 1997 года: «80 лет Октябрьской революции... Я лишь на семь (даже менее того) лет моложе ее и вырос под ее знаком (“лучами” не подходит)» [16, 7 ноября 1997 г.]. В школе, как и все, был комсомольцем, в 1943 году стал кандидатом, а потом и членом партии (конечно, под словом «партия» подразумевалась одна-единственная — Коммунистическая партия Советского Союза. — С. Л.), искренне верил в правоту коммунистической идеологии. Характерна в этом отношении запись-воспоминание в его дневнике 1984 года о том, как сорок один год назад он стал коммунистом: «В кандидаты партии Ворошиловский райком г. Орска... принял меня 27 февраля 1943 года — за день до отбытия в армию. ...Все было тревожно, все еще не определилось, хотя в победу верили. Вообще, надо сказать, у меня никогда¹ не было дня и часа, когда бы я сомневался в победе. Отношу это не на счет своего особого патриотизма, особой идейности. Многое шло от “механического” восприятия — и полного доверия к любому слову, которое исходило от Сталина, от наших газет...» [16, 27 февраля 1984 г.].

Записи, сделанные спустя десятилетия, показывают, что день приема в кандидаты и члены КПСС был по-прежнему памятен, хотя в строчках, написанных 27 февраля 1993 и 1994 гг., авторские раздумья и как будто ответ многочисленным обличителям: «Сегодня — 50 лет моего нахождения в партии. ...Было ли это карьеризмом? О какой карьере, о каких выгодах могла идти речь, тем более в самое страшное военное лихолетье? В партии я жил и работал честно-бескорыстно, давая ей много больше, нежели получал от нее. Формально партии нет — ее предательски убили собственные могильщики, вроде Ельцина, пососавшего КПСС как дойную корову. Но я свой партбилет не предаю никогда [16, 27 февраля 1993 г.]; «Сегодня ровно полвека с того дня, когда я был принят в члены Компартии. До конца войны оставалось еще много месяцев — целых четырнадцать, и не раз все могло измениться, перевернуться. Никто не упрекнет меня в том, что в партию шел (с 43-го) из конъюнктурных соображений. За эти 50 не грешно и выпить» [16, 27 февраля 1994 г.].

Л. Н. Большаков никогда не принадлежал к партийной номенклатуре (хотя на одной из дневниковых страниц мелькнули воспоминания о том, что его «надумали двигать в секретари горкома комсомола...» [16, 24—25 мая 1984 г.], однако будучи журналистом, он считал себя обязанным проводить, как говорили в те годы, политику партии в жизнь и работая в городской газете Орска, и на посту директора Оренбургской студии телевидения. О том, что при этом он не кривил душой, свидетельствует дневниковая запись, сделанная в 1991 году: «Вчера на экране ТВ неожиданно показали телевизионные папки с моими подписями. И напомнили: Оренбургскому телевидению — 30 лет. Тридцать лет!.. Теперь можно поносить те передачи — памятник Ленину... трудовой энтузиазм...

¹ Здесь и далее подчеркивание сделано Л. Н. Большаковым.

социализм-коммунизм... Дурачье, все было честно и было искреннее творчество» [16, 21 августа 1991 г.].

Но оставаясь убежденным коммунистом, Леонид Наумович видел и недостатки в партийной работе, и фальшь некоторых лозунгов. В его дневнике 1984 года немало критических записей о неумной и даже вредной пропаганде, о необходимости говорить людям правду, о все большей заорганизованности, засилье чиновников, казенщине, коей зачастую подменяется живое дело, и т.д.; автор дневника дает трезвую оценку допущенных партией ошибок, и в то же время в записях чувствуется боль за судьбу организации, в которой он состоял почти полвека.

Дневниковые записи убеждают в том, что избрание М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС породило надежды на перемены к лучшему: «Говорит новый Генеральный секретарь ЦК, — читаем в записи 13 марта 1985 года. — Говорит ясно и четко, речь звучит, как его, а не ему составленная; будем надеяться, что дела пойдут лучше и он успеет осуществить многое из декларируемого с трибуны Мавзолея».

Но шло время, звучали с высоких трибун правильные слова, а реальных перемен не было.

«Отвратительно, когда в креслах восседают те, которых и в грош не ставишь. А на пленумах обсуждают вопросы кадровой политики! Да, решает она, но нужны меры коренные, а не подбор по анкетам (столько-то женщин, столько-то из комсомола и т.п.). Безалаберщина и беспорядок осточертели...» [16, 14 апреля 1985 г.]; «Надо менять стиль, менять методы — то, что сейчас удивляет и раздражает... Утрата партийности вызывает злость и... боль» [16, 3 января 1986 г.]; «Партийная работа — не профессия (профессии избираются навсегда), а доверие, оказываемое на более или менее продолжительное время. Тогда и не станут всякие держаться за должности и отстаивать себя в оных самыми недостойными методами» [16, 13 января 1986 г.].

Дневниковые записи не были просто брюзжанием — Леонид Наумович старался донести свою позицию до широкой аудитории: выступал на страницах главной партийной газеты страны «Правда», в местной печати, на совещаниях партийных пропагандистов и т.д.

«Для “Правды” написал удачную, на мой взгляд, страницу “Вас приглашали?” ... Напечатанное “смущение” будет изрядным. Но мимо беспринципности проходить нельзя, недопустимо!» [16, 13 сентября 1984 г.].

«С 11 до 13 часов выступал перед организаторами изучения общественного мнения в районах. Организаторы в основном по назначению. Решил дать бой казенщине, заорганизованности, штампам, а потому говорить не завуалированно, не по-накатанному — прямо, откровенно и резко. О тенденциях отрыва обкома от коммунистов (пропускной системе), о пороке школьной реформы — вытравлении гуманитарного и пр. Это и надо изучать, об этом информировать разные инстанции, бороться, а не баловаться игрой в липовые анкеты...» [16, 7 февраля 1986 г.].

Кстати, благодаря записям в дневнике можно судить и о содержании газетных материалов (некоторые вырезки даже вложены между страниц), и об эмоциональном отклике, который они вызвали:

«В “Правде” отчеты о республиканских конференциях. Особенно впечатляет об Узбекистане. “Открытым текстом” сказано о провалах = безобразиях поразительных. “Заменено 10 из 13 первых секретарей обкомов... из состава партийных комитетов выведено около 300 человек... отозвано более 200 депутатов... Сколько всякой мрази прилипло, облепило “советский корабль”!» [16, 2 февраля 1986 г.]; «...обзор писем под названием “Очищение”. Сотни голосов — о беспорядках в партийной жизни: о малоподвижном,

инертном и вязком слое — “партийно-административном слое” — между ЦК и народом, о привилегиях, которые отдаляют этот “слой” от всех прочих людей, углубляют “социальное неравенство”, об “очередях в партию” и т.д. Все эти мысли — и мои мысли. Но нужна революция (без залпов “Авроры”), чтобы все это перебороть и ликвидировать. Да свершится она, очистительная!..» [16, 14 февраля 1986 г.].

Как видим, дневниковые записи свидетельствуют об одобрительном отношении автора к происходящему, об ожидании перемен в партийном руководстве. Он с интересом слушает телетрансляцию первого дня работы XXVII съезда КПСС, отмечает отсутствие помпезности, деловой тон доклада М. С. Горбачева, «не приблизительное, а глубокое знание различных сторон жизни, экономики, практики» [16, 25 февраля 1986 г.].

Сегодня, читая эти и другие записи о съездах, пленумах, понимаешь, что Л. Н. Большаков ощущает себя участником событий, а слова докладчиков воспринимает как обращенные лично к нему. «Дух доклада продолжить, подхватить способен не каждый, это естественно. Но соглашаться с этим не хочется. Единство стиля и действия важно чрезвычайно» [16, 27 февраля 1986 г.]; «В “Правде” статья “Еще раз о доступном”. Речь в ней о стиле работы партийных комитетов и их секретарей, критикуют... руководителей... в “ранге неприкасаемых”... Появление в “Правде” сегодняшнего обзора писем — выступление симптоматичное. Как и другие, я жду многого от смены руководства в стране» [16, 29 марта 1986 г.]; «Идет Пленум ЦК. Слушаю, правда, без отрыва от дела, доклад М. С. Горбачева “О перестройке в кадровой политике партии”. Глубокий, критический анализ наших дел — и впрямь не блистательных. Спрос с кадров увеличивается, без этого не добиться ничего. Придут газеты — прочту глазами. На слух многое не воспринимается в полной мере. Да, время такое, что собраться “в кулак” должен каждый» [16, 28 января 1987 г.].

Однако все чаще декларируемое на партийных форумах оставалось лишь словами. Автор дневника пишет об этом с досадой: «Перестроить сознание руководящих много труднее, чем написать красивые (и разумные) постановления о перестройке» [16, 27 февраля 1987 г.]; «Ломать надо много. Сходили на “выборы”. Эйфоричность обстановки, нарочитость всей системы, пионеры у урны — к чему все это? Помпезность вместо честности — как она противна! Говорим о перестройке, гласности, демократии, а тут... Ломать так ломать, а не ограничиваться косметикой» [16, 21 июня 1987 г.]; «...Нуднейше бьем себя в грудь, крича о кризисе доверия. И усугубляем этот самый кризис всем: от неумения накормить людей и дать им (нам...) элементарное до неумения учитывать психологию и соответственно строить идеологическое перевооружение. Принцип: все было нельзя — все теперь можно должен иметь под собой фундамент, а именно психологическую подготовку. Без этого — сумятица в головах и... ухудшение работы» [16, 6 апреля 1988 г.].

Эпоха, начавшаяся с приходом Горбачева, ввела в обиход термин «гласность», и советские люди впервые прочитали и увидели на киноэкранах то, что долгие годы пролежало на полках и в архивах издательств, а иногда и кабинетах комитетов госбезопасности. Впервые прочитанное и даже впервые узнанное, конечно, поразило, заставило на многое взглянуть иначе.

Прочитываем записи 1987—1988 гг.: «Теперь совершенно понятна технология фашизма Гитлера. Сталинский фашизм мало в чем ему уступал. А начинался он раньше, чем в Германии. Как мы всего этого не понимали? Как умудрялись не замечать? А ведь и не видели, и не понимали — и не только люди моего поколения, но и старше. Треп о коллективизме и — “моя хата с краю”. Все, решительно все надо переделывать с самого начала. Переделывать же тяжелее, чем делать...» [16, 22 мая 1988 г.]; «Оглушает читае-

мое. ...Все ставится с головы на ноги и — валит с ног. Надо быть очень сильным (или очень равнодушным, эгоистичным) человеком, чтобы все это выдержать. Сейчас выдержать!..» [16, 8 июня 1988 г.]; «...В придворном мире давних времен нравы были много чище и благороднее, чем в этой “коммунистической” среде. Борьба за власть тех, кто ее ни в какую не достоин, интриги... бр-р противно!..» [16, 22 октября 1988 г.].

Но прочитанное автор дневника оценивает и как журналист: «Читаю... о сталинском произволе... Все это необходимо, но мало в газетах позитивного начала. Одно вытравляем, другое не воспитываем. А утверждение нового это не только выкорчевывание старого, но и нечто более существенное...» [16, 22 апреля 1988 г.]; «...Думать обо всем этом невозможно. И постоянно на душе тяжелый камень. Все — личное» [16, 18 января 1990 г.].

Заметим, пишет профессиональный журналист, профессор вуза, человек с огромным жизненным опытом. Что же говорить о простых советских людях, на головы которых обрушились тонны «разоблачений»!

Размышляя об эпохе Горбачева, с которым было связано столько надежд, Л. Н. Большаков пишет: «...Грубейшая ошибка партии — равнодушие к морали, к нравственному уровню молодежи. Это окончательно рушит (и разрушит) устои государства. Мы дожили до порнографии, от нее путь к насилию... ТВ показывает что-то в этом роде на всю страну (“Зима в раю”)... Теряем молодежь — теряем себя. И нет нам за это прощения!» [16, 25 января 1990 г.].

Не могло не раздражать Л. Н. Большакова все более заметное расхождение слов и дел. Отношение к прочитанным партийным документам становится все более критическим.

«В Москве состоялся Пленум ЦК. Доклад повторяет ранее сказанное, и не раз сказанное. Кое-что противоречит сказанному ранее (о сроках выборности партийных органов, например). Слишком много слов об одном и том же — слишком мало дел, и особенно результатов этих дел. Заметно равнодушие людей к докладам и выступлениям, которым еще недавно внимали с жадностью. Этому способствует и становящееся очевидным расхождение слова и дела не только в глобальном общественном, но и в личном. ...Устроили бы откровенный телемост с двухсторонним движением на темы обеспеченности, скромности и т.д. и т.п. Дабы снять разговоры о купеческих, не укладывающихся в головы тратах, о том, куда идут наши кровные...» [16, 30 июля 1988 г.]; «Дочитанный с утра доклад М. С. (Горбачева. — С. Л.) на Пленуме ЦК меня не удовлетворил. Много проектов — дефицит дела. Перестройка во многом выступает самоцелью, а не средством переменить жизнь, сделать ее и сытнее, и справедливее. По-моему, М. С. не понимают многие и многие, стоящие рядом и ступенькой ниже, а потому перестает понимать себя и он сам...» [16, 31 июля 1988 г.].

Особенно болезненными для автора дневника были вопросы национальной политики КПСС. Сегодня мы оцениваем ее с высоты пройденных лет, приведенные записи сделаны в режиме реального времени: все происходило на глазах.

«...Не понимаю страусиной политики ЦК. Национальная политика в сплошных трещинах, а у нас занимаются “интернационализмом навынос” и запускают болезнь все больше, все опаснее. Пленум по этим делам отнесен на середину будущего года, хотя откладывать его нельзя никак. Поразительная позиция!.. В Баку миллионные митинги много дней, а у нас молчание; зато о фестивалях в Индии и пр. треск» [16, 24 ноября 1988 г.]; «“Время” молчит об Армении с Азербайджаном, о делах прибалтийских и прочем остром, должном стоять на первом плане...» [16, 25 ноября 1988 г.]. Сам он как мог пытался противостоять националистическим тенденциям: продолжался ежегодный «Шевченковский март», приезжали делегации Украины и Армении, начали работать

шевченковские музеи в Оренбурге и Орске, открылся школьный музей В. Терьяна, на армянский язык была переведена книга, написанная в соавторстве с киевским шевченковедом В. Бородиным о судьбе шевченковского «Кобзаря»¹.

Многие записи свидетельствуют о том, что вину за катастрофическое падение авторитета КПСС автор дневника возлагает на саму партию и все еще надеется на позитивные изменения в ней самой: «Раздобыл орские газеты... Откровенно выраженное недоверие партийным органам, партийным работникам, партии. Виноваты, конечно, партайгеноссе, для недовольства основание есть, но слепая ненависть сродни фашизму или сталинщине. Не придут к руководству умные и светлые силы — партия утратит свои позиции, скатится в болото, погибнет. Даже не о центре речь — о республиках, краях, областях, городах, районах...» [16, 2 апреля 1989 г.].

Боль и обида за партию, в которой состоял почти полвека, пронизывает записи 1990—1991 гг.: «Все эти разговоры о партии, поношения ее воспринимаю близко к сердцу. Я имею право ругать обкомы-горкомы-райкомы, ЦК (и генсека тоже) — полвека жизни дают мне такое право. А у них, сторонних наблюдателей, — какое право? Уверен (убеждался): потеря крепкой партии — утрата всего. Ее же сегодня, увы, нет...» [16, 1 декабря 1990 г.]; «Не иудеи христопродавцы, и евреи не Иуды. Истинные Иуды, подлинные христопродавцы — это сегодня те, кто, вчера перестав из собственной корысти поклоняться Ленину и марксизму-ленинизму, вчера выйдя из атеистической партии, вчера же начал славословить Христа, всячески понося его недругов, противников, т.е. своих дедов, отцов, товарищей, наконец, себя, облизывая иконы, ничего не ведая о сути изображенного, молиться... таким все равно чему, лишь бы потрафить “народу”, который им глубоко безразличен...» [16, 7 января 1991 г.].

На страницах дневника Л. Н. Большаков как будто возражает критикующим: «Обвинять в сегодняшнем бардаке Ленина — все равно, что винить во всех бедах человеческих Бога. Решают не идееносцы, но практики. Практическое — это и создание системы, проведение линии, осуществление задач каждого дня. У нас нет ни системы, ни линии, ни разумных решений насущного, текущего. Так что, виноват Ленин, умерший шесть десятков лет назад? За время “перестройки” можно было построить многое и главное заново. Если бы не игрались в перестройку, не болтали, а действовали» [16, 31 марта 1991 г.].

В печати все чаще появлялась информация о выходе из партии не только рядовых коммунистов, но и партийных функционеров высокого ранга. «Самые большие антикоммунисты, — читаем в записи 19 июля 1991 г. — вчерашние правоверные, идейные коммунисты. Некогда поклявшиеся в любви и преданности на всю жизнь, они, расплевавшись с партией в час ее гибели, когда членство стало “немодным”, требуют для ликвидации партии (и ее членов?) чуть ли не чрезвычайных — читай — палаческих мер».

Сдавали партбилеты и многие друзья Большакова. Однако он со своим расставаться не спешил. В дневнике немало записей-раздумий на эту тему: «...Затеваю переход в сельскую парторганизацию, а закономернее был бы выход вообще. Но — не могу. После сорока восьми лет — выйти?.. Партия выходит из меня, я всячески сопротивляюсь, ноет душа и болит сердце. Где же тут быть “настроению”?» [16, 14 апреля 1991 г.]; «Некоторое время назад, отвечая на вопрос, не вышел ли я из КПСС, я отвечал, что не вышел и не собираюсь выйти, но партия выходит из меня. Сегодня о разрыве с партией многих и многих людей можно услышать на каждом шагу. Авторитет партии упал несказанно, она стала оплеванной и оплевываемой, в чем виновата сама, делая ошибку за ошибкой. Тут под “партией” подразумевается, конечно, не масса, но верхушка от Горбачева и ниже... Уважения к партийным органам у меня нет никакого... Так отчего не выхожу? Партия —

¹ Имеется в виду Т. Г. Шевченко.

это идеалы моей юности, это радости и заблуждения моей жизни, многие и многие партийцы, встреченные на жизненном пути. Партия — это миллионы погибших с мыслью о ней. И я не могу быть среди ее могильщиков и не буду в их числе. Моя партия — это не ЦК, обком, РК, парторганизация — это я сам, моя совесть, моя порядочность, моя работа. Никаких “заданий-поручений”. Что считаю нужным, то и делаю. Делаю доброе, полезное (еще один акт побратимства, еще один музей и т.д.), тружусь наперекор всему, не мошенничаю, не шельмую — и сколько сил хватит, буду таким. За партию глубоко обидно, оскорбительно, но я себе не изменю» [16, 30 июня 1991 г.].

Записи второй половины 1991 года представляют собой своеобразную хронику окончательного краха КПСС:

«...У КПСС лидера нет. Политбюро — размытая структура, никаким авторитетом не пользующаяся. Горбачев утратил поддержку даже со стороны партийцев-ортодоксов, не говоря уже о народе. Свихнул шею, сломал голову и — доламывает систему, страну, партию, наконец, свой остаточный авторитет. Крушение с трагическими последствиями...» [16, 5 июля 1991 г.].

«...Ельцин издал Указ о запрещении деятельности партийных (“всех партий”) организаций в органах управления, на предприятиях, практически всюду, на территории РСФСР. Пока верхушка партии занята пустой болтовней, ее толкают в пропасть — изнутри и снаружи, справа и слева. ...Самые большие функционеры — недавние партфункционеры» [16, 20 июля 1991 г.].

«Купил “Советскую Россию”... ради Ельцинского указа о департизации. Отношусь к ней достаточно спокойно. Партия во мне перегорела? Пожалуй, так или близко к этому. Такая партия не нужна: бесполезна, а может, и вредна. Но акт Ельцина пахнет фашизмом и нисколько — демократией. ... Несчастный народ... О нем не думает никто. А валят все на коммунистов. Как эсэсовцы: “Евреи и коммунисты — два шага вперед!”» [16, 23 июля 1991 г.].

«Партия трещит по всем швам. Ее трясут изнутри и извне. Сегодня Пленум ЦК КПСС. Что он даст? Ничего существенного ждать от него не приходится. Первые отголоски: отказ от марксизма... переход на социал-демократические позиции... Какое-то б...!» [16, 25 июля 1991 г.].

«Нагнетанием кровавой ненависти стала идея “департизации”, ставшая сигналом к травле КПСС и партийцев» [16, 30 июля 1991 г.].

«ЦКК¹ сочла А. Н. Яковлева недостойным быть в КПСС. Олухи! Кто же тогда достоин? Партийно-бездеятельный Горбачев, послушные центральные, областные и пр. функционеры? Не нахожу слов (кроме самых ругательных). Партию убивают, умерщвляют ее незадачливые “лидеры”, давно растерявшие все идеи (если они, эти идеи, у них, действительно, были)» [16, 15 августа 1991 г.].

«Всякий день не хочется просыпаться: дни не сулят ничего хорошего. Когда страна твоя по уши в дерьме, в этой же вонючей жиже и ты... Не перестройка нужна — переворот в сознании, в системе, в строе. ...Но нет и силы, реальной, разумной, пользующейся доверием миллионов, которая бы снесла голову гидре. Что касается партии... Она себя изжила, и в эту игру даже мне играть осточертело. Не выхожу в память о прошлом, о тех, кто жил и умер с верой, и неприличности, по моему разумению, такого поступка, тем более после перехода в симпатичный мне Оренбургский РК. Партия из меня вышла. Я сам себе ЦК, сам себе — Маркс и Ленин, сам идеи творю и сам же их реализую. Внутренняя политическая эмиграция? Индивидуальное партийное подполье? Только так можно со-

¹ Центральная контрольная комиссия — высший контрольный орган КПСС в 1920—1934 гг. и в 1990—1991 гг.

хранить себя, свой имидж, свое человеческое и профессиональное достоинство...» [16, 17 августа 1991 г.].

«Все эти проклятия Компартии и коммунистам, практическое объявление ее, партии, вне закона, захваты партийных домов и т.д. и т.п. — дикость и подлость, чуждое самому представлению о демократии... Партийная, “коммунистическая” газета (“С.Р.”)¹ нагнетает самые отвратительные шовинистические, социал-националистические чувства. И в этом тоже деградация, вырождение КПСС, принадлежности к которой (сегодняшней принадлежности) все более стесняешься. ...Отсюда и настроение, отсюда и состояние тревоги...» [16, 18 августа 1991 г.].

События 19—21 августа привели к тому, что «партия в лице ее высших органов потеряла себя, полностью утратила авторитет даже в глазах членов партии», — констатирует автор дневника 22 августа 1991 г., а в записи следующего дня пишет о том, что сорванный «правый переворот» ускоряет распад СССР, а уж уничтожение КПСС и подавно... [16, 23 августа 1991 г.].

И вновь в дневнике зафиксирована хроника событий:

«Ночь была тревожной, и тревожность ее предопределила хроника из “Вестей”: громят здания на Старой площади... свергают памятник Дзержинскому... Для меня это вандализм, никак не украшающий цивилизованного человека... Демократию топят в антикоммунистической истерии... “Их кровь на руках КПСС” (плакат в толпе). Какая это подлость в отношении миллионов членов КПСС, а точнее ВКП(б), рекой ливших свою кровь на фронтах...» [16, 24 августа 1991 г.].

«Игра в поддавки продолжается. В матче Горбачев — Ельцин преимущество на стороне последнего... М. С. уступает одну позицию за другой. Сегодня он отказался от поста Генсека, причем в его заявлении, обнародованном за рубежом раньше, чем у нас, сквозит идея роспуска КПСС с предоставлением коммунистам права (мерси-с...) искать себе партию по нутру. Идти к Руцкому, к Шеварднадзе... куда глаза глядят. Мои глаза “партий” не ищут. Остаюсь в партии самого себя. Но до чего же противно влияние Горбачева, возмутительны антипартийные Указы его и Ельцина... Запреты партий, по сути одной, опрокидывание памятников Ленину, поношение коммунистов и развязывание ярости против них (нас!) — это не демократия» [16, 25 августа 1991 г.].

«...Методами Кашпиоровского² действуют те, которые вызвали и нагнетают психоз — массовый психоз людской миллионной толпы против КПСС, Ленина, социализма. Кто дирижер тут? Ельцин? Кто безмолвный поощритель? Растерявшийся Горбачев? Психоз массы — нищей материально и духовно — натравливается на народы... И бегут из страны ясные, умные головы, мастеровые руки...» [16, 14 сентября 1991 г.].

«Страна гибнет, а народу навязывается мысль, что стоит рассчитаться с “партократией”, и все будет в порядке. Ох, не будет! С такими нравами — никогда!» [16, 13 октября 1991 г.].

«Каждую минуту эфир поливает дерьмом КПСС и коммунистов, а в то, что после коммунистов становится все хуже и хуже... объяснений этому не находится. Департизация? Полнейшая деморализация!! И все углубляющаяся нищета богатой (?) державы» [16, 17 октября 1991 г.].

«Сегодня — ни на день раньше или позже — Ельцин объявил своим указом уже не приостановление деятельности, но полный запрет КПСС. Очередной акт вандализма, не

¹ «Советская Россия».

² Врач-психотерапевт А. М. Кашпировский вел «Сеансы здоровья» на Центральном телевидении, в ходе которых с помощью экстрасенсорных методов якобы излечивал от самых различных заболеваний сидящих у телеприемников зрителей.

имеющий общего с демократией, с принципами правового государства и элементарными нормами морали. Какое право, какая демократия — сплошное беззаконие, похерена справедливость и все явственнее пахнет нацизмом...» [16, 7 ноября 1991 г.].

«До чего, до какой крайности доведена Россия! И падение ее продолжается, нескончаемо продолжается! Виноваты коммунисты? Ленин? Маркс с Энгельсом? Бред! Вина на Горбачеве и его команде. Вина на Ельцине, который заигрался и, теша свою амбицию, все разрушил, разрушая больше и дальше, не создавая ничего. Горбачев — жертва добрых намерений, непросчитанных шагов к лучшей жизни. Ельцин — палач и СССР, и собственного народа. Политиканство вместо дела...» [16, 17 ноября 1991 г.].

В 1992 году в России заговорили о создании новой партии коммунистов. На страничке от 2 апреля автор передает диалог с Ю. В. Никифоренко¹. «“Я так понимаю, что отступили?”». На прямой вопрос ответил, что в кружковой метод борьбы на данном этапе не верю, участвовать в самодеятельности — это играть в бирюльки, а мне не до того. “Надеетесь, что партию вам преподнесут на тарелочке?”. Не надеюсь и не жду. Партия капитулировала сама, наплодив себе могильщиков. Она безропотно приняла незаконное решение (“приняла к сведению”) о роспуске своем, оказавшись неспособной на сопротивление, даже словесное. Сегодняшние многочисленные “компартии”, по десятку человек каждая, это не более чем пародия пародии на партию, причем пародии, лишённые всякого таланта. Разошлись... оставшись каждый при своем мнении» [16, 2 апреля 1992 г.].

А на странице за 20 декабря 1992 г., вклеив строки с призывом к «возрождению объединенной коммунистической партии России», Л. Н. Большаков пишет: «Из партии я не выходил, так зачем же мне писать еще одно заявление? Предпочитаю индивидуально проводить линию КПСС хотя бы в одном коренном вопросе — в данном случае национальной политике, воспитании интернационализма. Формальная принадлежность, строка в списочном составе это все такое третьестепенное...» О том же спустя два года: «“Завершается перерегистрация коммунистов”, — пугает “Южный Урал”. Но нет, я в эту самодеятельность не ходок. Взглядов жизненных не меняю и доказываю это не маразматической болтовней и якшанием со всяким сбродом, а делом, однако... собрания мне не нужны, говорильни ни к чему. И тратить на них время и силы — нет уж, извините...» [16, 14 мая 1994 г.].

«Очередная статья Ю. Никифоренко по поводу “митинга не на том месте”. Ленинский скверик, оказывается, объявлен “свободной территорией Советского Союза”. Неужто не понимают, как это глупо-унизительно? Нет и нет — мне такая “партия” не нужна ни на каких условиях. Митинговать не собираюсь. Остаюсь самим собой» [16, 17 марта 1995 г.].

«По всей стране впереди на выборах идет КПрФ. Четверть мест в Думе — ее. Ее или наше? Я, безусловно, коммунист — по убеждениям, по воспитанию, по устремлениям. Но без ячеек, казенщины, атрибутики, без Никифоренковской ярости и нетерпимости. “Вперед, к победе коммунизма!” — лозунг живой, но для меня в нем победа идей коммунизма, а для Никифоренко и иже с ним — немедленное возвращение к старому, былому. Но взорванная жизнь — не Храм Христа Спасителя, который можно отстроить по образцу и подобию. Муляжи не нужны никому!» [16, 19 декабря 1995 г.].

Итак, вышеизложенный материал позволяет утверждать, что Л. Н. Большаков в своем отношении к коммунистической партии прошел сложный путь эволюции взглядов. Первая линия этой эволюции — в ходе того сложнейшего кризиса, который пережило наше общество в конце XX века, он научился разделять коммунистическую идеологию,

¹ Первый секретарь Оренбургского обкома КПрФ в 1990-х гг.

с одной стороны, и компартию — с другой. Казалось бы, это так просто, но дневниковые записи как хирургический скальпель показывают, насколько на самом деле тяжело было прийти к этой нехитрой, в общем-то, идее. Второе направление развития, как это ни строго звучит по отношению к автору дневниковых записей, — он приобрел большую критичность взглядов по отношению к партийным руководителям, видимо, вместе с большей критичностью мышления вообще. Иными словами, высказанный уже в литературе тезис о наивности простого советского человека действительно находит подтверждение на «большаковском» материале. Третье изменение в восприятии коммунистической партии связано с формированием негативного отношения к партийной работе вообще, с переносом симпатий с групповой на индивидуальную общественную работу, что свидетельствовало, видимо, о разочаровании в партийных механизмах работы в целом. Все три линии эволюции, на наш взгляд, были типичны для простого советского интеллигентного человека, что стало одним из важных факторов бессилия гражданского общества в нарождающейся в 1990-е гг. «новой России».

Список использованных источников и литературы

1. Август 1991. Конец КПСС. Воспоминания участников событий, документы, фотографии / под ред. Г. Д. Чибя. М. : Единая книга, 2006. 412 с.
2. Алексеев А. Н. 30 лет «в строю» (мое членство в КПСС) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 3. С. 7—12.
3. Большакова Т. Л. «Дневник для себя — это все-таки дневник для других»: о дневниках Л. Н. Большакова // Восьмые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. статей междунар. науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2016. С. 13—17.
4. Большакова Т. Л., Любичанковский С. В. Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. 460 с.
5. Большакова Т. Л., Любичанковский С. Л. Леонид Большаков: на связи с миром и людьми [Электронный ресурс]. М. : ФЛИНТА, 2016. 493 с. URL: <http://e.lanbook.com/book/89871>.
6. Дрожжин В. А. КПСС и судьба Союза ССР // Юридический мир. 2008. № 3. С. 59—63.
7. Иванова А. Г. Первоначальное оформление партийной системы в рамках становления институтов власти в 90-е годы XX века (на примере Южного Урала) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2013. № 2 (6). С. 75—83. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf.
8. Кодан С. В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений // ВВ: Исторические исследования. 2014. № 3. С. 60—93.
9. Коровин А. Г. Великая трагедия, или Причины крушения КПСС и СССР. Курган : Зауралье, 2003. 180 с.
10. Любичанковский С. В. «Такие времена не выбрал бы для себя никто из нас»: «лихие девяностые» глазами очевидцев [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2018. № 1 (25). С. 111—121. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf.
11. Любичанковский С. В. Дневник как исторический источник (на примере дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4 (20). С. 142—152. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf.
12. Любичанковский С. В. Конец советской эпохи глазами очевидца (на материалах личного дневника Л. Н. Большакова) [Электронный ресурс] // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 2 (22). С. 162—171. URL: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf.
13. Прокофьев Ю. А. До и после запрета КПСС. М. : ЭКСМО, 2005. 180 с.
14. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. История. № 1. С. 7—21.
15. Сельцер Д. Г. Первые секретари ГК и РК КПСС (1991—1992 гг.): продолжение или завершение карьеры? // Pro punc. Современные политические процессы. 2004. № 2. С. 135—156.

16. Семейный архив Т. Л. Большаковой. Дневник Л. Н. Большакова.

17. Согрин В. В. Политическая история современной России. М. : Прогресс-академия, 1994. 192 с.

Поступила в редакцию 11.02.2019

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Российская Федерация, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

UDC 94(470.56)“198/199”

S. V. Lyubichankovskiy

“...The party deserts me”: reflections of an ordinary communist (based on the materials of L. N. Bolshakov’s diary in the late 1980s — early 1990s)

The article systematizes and analyzes the diary entries of an honorary citizen of the city of Orenburg, a scientist and public figure, a member of the CPSU since 1944, L. N. Bolshakov, concerning his attitude to the Communist Party at the turn of the 1980—1990s. The evolution of the Bolshakov’s views on this issue is shown. It consists, firstly, in the separation of the concepts of “communism” and “Communist Party”; secondly, in enhancing the criticality of thinking in relation to party leaders; thirdly, in the formation of a negative attitude towards party work in general, thus in disappointment in the party mechanisms of work in general. All three lines of evolution, in our opinion, were typical of a simple Soviet intelligent person, which was one of the important factors of the powerlessness of civil society in the emerging “New Russia” of the 1990s.

Key words: diaries, Leonid Bolshakov, daily life, intelligentsia, historical source, communism, communist party, nomenclature, communist party work.

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State Pedagogical University
Russian Federation, 460014, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: svlubich@yandex.ru

References

1. *Август 1991. Конеты КПСС. Воспоминания участников событий, документы, фотографии* [August 1991. End of the CPSU. Memories of event participants, documents, photos]. Moscow, Edinaya kniga Publ., 2006. 412 p. (In Russian)
2. Alekseev A. N. 30 let “v stroyu” (moe chlenstvo v KPSS) [30 years “in the ranks” (my membership in the CPSU)]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, 2011, no. 3, pp. 7—12. (In Russian)
3. Bol’shakova T. L. “Dnevnik dlya sebya — eto vse-taki dnevnik dlya drugikh”: o dnevnikh L. N. Bol’shakova [“A diary for yourself is still a diary for others”: about the diaries of L. N. Bolshakov]. *Vos’mye Bol’shakovskie chteniya. Orenburgskii kraj kak istoriko-kul’turnyi fenomen: sb. statei mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Eighth Bolshakov’s Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon. Proceed. of the Internat. sci.-pract. conf.]. Orenburg, OGPU Publ., 2016, pp. 13—17. (In Russian)
4. Bol’shakova T. L., Lyubichankovskii S. V. *Leonid Bol’shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bolshakov: self-portrait against the background of the era]. Orenburg, OGPU Publ., 2012. 460 p. (In Russian)
5. Bol’shakova T. L., Lyubichankovskii S. L. *Leonid Bol’shakov: na svyazi s mirom i lyud’mi* [Leonid Bolshakov: in touch with the world and people]. Moscow, FLINTA Publ., 2016. 493 p. Available at: <http://e.lanbook.com/book/89871>. (In Russian)
6. Drozhzhin V. A. KPSS i sud’ba Soyuzo SSR [CPSU and the fate of the USSR]. *Yuridicheskii mir — Juridical World*, 2008, no. 3, pp. 59—63. (In Russian)
7. Ivanova A. G. Pervonachal’noe oformlenie partiinoi sistemy v ramkakh stanovleniya institutov vlasti v 90-e gody XX veka (na primere Yuzhnogo Urala) [The original form of the party system in the making of

government institutions in the 90-s of the XX century (by the example of Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2013, no. 2 (6), pp. 75—83. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2013/articles/ivanova_2013_2.pdf. (In Russian)

8. Kodan S. V. Istochniki lichnogo proiskhozhdeniya: ponyatie, mesto i rol' v izuchenii istorii gosudarstvenno-pravovykh yavlenii [Sources of personal origin: the concept, place and role in the study of the history of state-legal phenomena]. *NB: Istoricheskie issledovaniya*, 2014, no. 3, pp. 60—93. (In Russian)

9. Korovin A. G. *Velikaya tragediya, ili Prichiny krusheniya KPSS i SSSR* [The great tragedy or the causes of the collapse of the CPSU and the USSR]. Kurgan, Zaural'e Publ., 2003. 180 p. (In Russian)

10. Lyubichankovskii S. V. “Takie vremena ne vybral by dlya sebya niko iz nas”: “likhie devyanostye” glazami ochevidtsev [“None of us would have chosen such times”: “dashing nineties” through the eyes of eyewitnesses]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2018, no. 1 (25), pp. 111—121. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2018/articles/11_25_2018.pdf. (In Russian)

11. Lyubichankovskii S. V. Dnevnik kak istoricheskii istochnik (na primere dnevnika L. N. Bol'shakova) [L. N. Bolshakov's Diaries as historical source]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2016, no. 4 (20), pp. 142—152. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2016/articles/14_20_2016.pdf. (In Russian)

12. Lyubichankovskii S. V. Konets sovetskoj epokhi glazami ochevidtса (na materialakh lichnogo dnevnika L. N. Bol'shakova) [The end of the Soviet era by eyes of the eyewitness (on materials of the personal diary of L. N. Bolshakov)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2017, no. 2 (22), pp. 162—171. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2017/articles/16_22_2017.pdf. (In Russian)

13. Prokof'ev Yu. A. *Do i posle zapreta KPSS* [Before and after the ban of the CPSU]. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 180 p. (In Russian)

14. Pushkareva N. L., Lyubichankovskii S. V. Ponimanie istorii povsednevnosti v sovremennom istoricheskom issledovanii: ot Shkoly Annalov k rossijskoj filosofskoj shkole [“Everyday Life History” in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Vestnik of Pushkin Leningrad State University*, 2014, vol. 4, History, no. 1, pp. 7—21. (In Russian)

15. Sel'tser D. G. Pervye sekretari GK i RK KPSS (1991—1992 gg.): prodolzhenie ili zavershenie kar'ery? [First secretary city and district committees of the CPSU (1991—1992) continuation or end of career?]. *Pro nunc. Sovremennye politicheskie protsessy*, 2004, no. 2, pp. 135—156. (In Russian)

16. *Semeinyi arkhiv T. L. Bol'shakovoi. Dnevnik L. N. Bol'shakova* [Family Archive T. L. Bolshakova. Diary of L. N. Bolshakov]. (In Russian)

17. Sogrin V. V. *Politicheskaya istoriya sovremennoi Rossii* [Political history of modern Russia]. Moscow, Progress-akademiya Publ., 1994. 192 p. (In Russian)